
История Первой мировой войны в современном международном дискурсе: традиционные дискуссии, новые темы, «белые пятна»

Алексей Филитов

History of the World War I in current academic and political discourse: traditional debates, new topics, and «blind spots»

*Alexey Filitov (Institute of World History, Russian Academy of Sciences, and
Russian State University for Humanities, Moscow)*

Хотя история и историография Первой мировой войны не входила в круг приоритетных научных интересов автора этих строк, именно с погружения в данную тематику начался его путь как учёного: первой в списке его научных работ стоит небольшая заметка, где с «комсомольским задором» раскритикованы попытки консервативных западногерманских историков опровергнуть новаторские выводы их гамбургского коллеги Ф. Фишера об экспансионистских военных целях вильгельмовской Германии¹.

После долгого перерыва последовала попытка более широкого анализа и обобщения опыта Первой мировой войны в рамках компаративистского исследования двух глобальных катастроф минувшего столетия². Столетний юбилей начала войны, поток посвящённых ей публикаций, в частности солидных историографических обзоров, стали побудительным импульсом, чтобы вновь вернуться к этим сюжетам и представить читателям журнала своё видение современного состояния исследовательской работы по истории Первой мировой войны, существующих проблем, дискуссий и контrovers³.

Основой для предпринятого исследования послужили три круга источников. Прежде всего, уже упомянутые историографические обзоры — их тоже три: сборник статей российских и зарубежных авторов, созданный коллективом ИНИОН РАН⁴, обширная статья (почти мини-монография) ирландского историка А. Креймера, занявшая значительную часть двух номеров молодого, но

© 2017 г. А.М. Филитов

Статья подготовлена в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности Министерства образования и науки Российской Федерации, научно-исследовательская работа № 33.1543.2014.

¹ См.: *Fischer F.* Griff nach der Weltmacht. Die Kriegsziele des kaiserlichen Deutschland 1914–1918. Düsseldorf, 1961; *Филитов А.М.* Апология германского империализма под маской «научной критики» // Вопросы истории. 1963. № 3. С. 200–202.

² *Филитов А.М.* Мировые войны — роковые вехи нашего столетия // XX век. Многообразие, противоречивость, целостность / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М., 1996. С. 108–144.

³ Ранее автор представил более краткое изложение своих взглядов на эту проблематику с упором на общетеоретические аспекты всеобщей истории (*Филитов А.М.* Смена парадигм в историографии: от «империалистической войны» к «войне империй» // Преподаватель XXI век. 2015. № 4. Ч. 2. С. 289–301). В данной статье сделана попытка, в частности, проследить связь между глобальным и российским аспектами истории и историографии Первой мировой войны.

⁴ См.: Первая мировая война. Современная историография. Сборник обзоров и рефератов / Отв. ред. В.П. Любин, М.М. Минц. М., 2014.

уже достаточно зарекомендовавшего себя издания «Journal of Modern European History»⁵, и опубликованное в консервативном органе печати ФРГ газете «Die Welt» меньшее по объёму, полемически заострённое эссе четырёх немецких историков (своеобразный «манифест четырёх») «Почему не одна только Германия виновата»⁶.

Разумеется, перечень работ по рассматриваемой теме гораздо шире⁷, как и диапазон оценок, особенно если учесть историографические отсылки в обобщающих трудах⁸. Однако включить их в статью значило бы безмерно расширить её рамки, потому определённое ограничение охвата историографического материала стало неизбежным. Читатель заметит, что моё изложение в значительной степени представляет собой нечто вроде диалога с автором одного из упомянутых обзоров — Креймером: именно в его работе в наиболее полном, концентрированном и системном виде отражён феномен современной зарубежной историографии Первой мировой войны. Впрочем, если бы содержание данной статьи ограничивалось только этим, то она скорее заслуживала бы название реферата или развёрнутой рецензии. Между двумя крайностями — слишком широкого и слишком узкого ракурса рассмотрения имеющегося историографического массива — был избран некий третий путь.

Дело в том, что анализ некоторых образцов исторического творчества у Креймера слишком лаконичен, одни лишь названы, а другие, весьма представительные, не упоминаются. В данной же статье читатель найдёт своего рода микрорецензии на такие труды, особенно на те из них, в которых отражён «российский фактор» (роль России в войне, её внешняя и внутренняя политика). В двух упомянутых обзорах западных авторов он чаще всего отсутствует, а если фигурирует, то в виде отдельных ремарок, отражающих или незнание, или предвзятость. Что касается сборника ИНИОН, то оценки, связанные с Россией, содержатся главным образом в статьях российских авторов; работы же зарубежных коллег (как и статьи о них) посвящены, как правило, либо общему ходу и результатам войны, либо событиям на Западном фронте.

Цель данного обзора — скорректировать этот дисбаланс и рассмотреть вышедшие с начала 2000-х гг. научные труды, которые следует отнести ко второму виду историографического материала. Наконец, третий его вид — текущая пресса и «мировая паутина» — интернет. В научном сообществе имеется

⁵Kramer A. Recent Historiography of the First World War // Journal of Modern European History. Vol. 12. 2014. № 1. P. 5–26; № 2. P. 155–174.

⁶Geppert D., Neitzel S., Cora St., Weber Th. Warum Deutschland nicht allein schuld ist // Die Welt. 2014. 4. Januar.

⁷Winter J., Prost A. The Great War in History. Debates and Controversies, 1914 to the Present. Cambridge, 2005; Jones H., O'Brien J., Schmidt-Suppran C. Untold War. New Perspectives in First World War Studies. Leiden, 2008; Horne J.A. Companion to World War I. Oxford, 2010; Finding Common Ground: New Directions in First World War Studies / Eds. J.D. Keene, M.S. Neiberg. Leiden, 2011; Other Combatants, Other Fronts: Competing Histories of the First World War / Eds. J.E. Kitchen, A. Miller, I. Rowe. Newcastle, 2012.

⁸Enzyklopädie Erster Weltkrieg / Hg.G. Hirschfeld, G. Krumeich, I. Renz. Paderborn, 2003 (англ. изд.: Brill's Encyclopedia of the First World War. Leiden, 2012); Encyclopedie de la Grande Guerre 1914–1918. Histoire et Culture / Eds. S. Audoin-Rouzeau, J.-J. Becker. Paris, 2004; Becker J.-J., Krumeich G. La Grande Guerre: Une histoire franco-allemande. Paris, 2008; Der Grosse Krieg. Deutschland und Frankreich 1914–1918. Essen, 2010; The Cambridge History of the First World War / Ed. J. Winter. Cambridge, 2014. См. также: интернет-проект берлинского Свободного университета «1914–1918 онлайн: Международная энциклопедия Первой мировой войны» (с октября 2014 г.) (URL: www.1914–1918-online.net).

предубеждение (на мой взгляд, необоснованное) против использования таких источников. Однако, если иметь в виду серьёзные, хотя и сугубо консервативные немецкие газеты «Frankfurter Allgemeine Zeitung», «Die Welt» (выбор их понятен для историка-германиста) или американский интернет-портал «H-Diplo», то помещаемые в них рецензии на новые исторические труды, а также интервью с их авторами и «круглые столы» представляют особый интерес именно для российского читателя, зачастую не имеющего возможности самостоятельно отслеживать новинки традиционного книжного рынка. Кроме того, подобные источники показывают «обратную связь» между автором и читателем, что, в свою очередь, даёт представление об общественном резонансе того или иного исторического труда — монографии или статьи.

Пожалуй, самая долговременная дискуссия по истории Первой мировой войны касается её виновника (и/или виновников). Апологетика германского милитаризма, казалось бы, окончательно преодолённая с появлением книги Ф. Фишера о военных целях вильгельмовского рейха и явном поражении его противников, в последнее время вновь проявляет себя, особенно на уровне публицистики и масс-медиа.

Своего рода заявкой на пересмотр «фишеровской парадигмы» стала переходящая «Frankfurter Allgemeine Zeitung» по случаю 125-летия восшествия на престол кайзера Вильгельма II. Смысл статьи: кайзер не являлся ни карикатурной фигурой, ни предтечей Гитлера, его империя была «сравнительно развитой демократией», испытывала бурный промышленный подъём, принёсший с собой общее благосостояние, и любой гражданин «наслаждался свободами», на защите которых стояло «независимое судопроизводство». Имелись и тёмные стороны в этой идиллической картине начала века: «европейский империализм являл своё отвратительное лицо», но Германия тут была ни при чём — когда цитируют известное высказывание рейхсканцлера Германской империи Б. фон Бюлова о её претензиях на «место под солнцем», то, мол, забывают о начальных словах этой фразы: «Мы не хотим никого отеснить в тень»⁹.

Реакция читателей не заставила себя ждать и обнаружила явную поляризацию взглядов. Если в первом отклике выражалось несогласие с автором и указывалось на то, что немецкие элиты в 1914 г. хотели не мира, а войны¹⁰, то во втором излагались стандартные доводы о германском «миролюбии». Этот читатель напомнил, что Страсбург являлся старинным имперским городом и, стало быть, надо говорить не о германской, а о французской аннексии Эльзаса и Лотарингии. В заключение была выражена «особая благодарность» автору статьи за восстановление «подлинной» цитаты Бюлова¹¹.

На смену любителям истории вскоре выступили историки-профессионалы. Год столетнего юбилея со времени начала Первой мировой войны «открылся» публикацией упоминавшегося ранее «манифеста четырёх»¹². Заявленная в нём идея не является ни новой, ни апологетичной. Вряд ли вызовут возражения высказывания о том, что «внешнеполитическая элита Англии кажется в свете новых исследований не такой уж миролюбивой, как это предполагалось ранее», что Австро-Венгрия «не была безвольным объектом» политики Берлина, что «ни война, ни заключение мира не решили ни одной проблемы», а «напротив,

⁹Müller R. Vor hundert Jahren // Frankfurter Allgemeine Zeitung (далее — FAZ). 2013. 5. Januar.

¹⁰Pflüger N. Historische Voraussetzungen sind andere // FAZ. 2013. 11. Januar.

¹¹Driesang D. Ehrlicher mit unserer Geschichte umgehen // FAZ. 2013. 25. Januar.

¹²Geppert D., Neitzel S., Cora St., Weber Th. Op. cit.

породили новые конфликты, которыми мы занимаемся и по сей день, — например, на Ближнем Востоке». Можно согласиться и с некоторыми замечаниями авторов, касающимися современной Европы, — они обоснованно критикуют пропаганду, представляющую Европейский Союз как единственную альтернативу национализму, констатируя, что эта пропаганда «несправедливо дискредитировала идею национального государства».

Вместе с тем историки ФРГ вступают на опасную стезю, отвергая концептуальные послы Фишера и его школы как «преувеличенные и односторонние», отрицая само понятие «пруссский милитаризм» и говоря об «оборонительной цели» войны со стороны Германии. Этот вывод ещё более усиливается, если учесть, как именно они расшифровывают понятие «оборона». В их трактовке она заключалась в том, чтобы «воссоздать на европейском континенте ситуацию ограниченной гегемонии, которой располагал рейх при Бисмарке, что было далеко от стремлений к мировому господству». Заметим, что никто, в том числе и Фишер, не приписывал вильгельмовскому рейху стремлений к «мировому господству»¹³, однако, можно ли считать стремление к гегемонии в Европе — как бы её ни определять — «оборонительной целью»? Где, кстати, грань между «неограниченной» и «ограниченной» гегемонией и обоснованно ли такое разделение? Наконец, вовсе не идеализируя политику Бисмарка, насколько правомерно отождествлять её с политикой Вильгельма?¹⁴

Своим союзником в борьбе за практическую реабилитацию германского экспансионизма «четвёрка» называет в первую очередь австралийского историка К. Кларка с его рассчитанным на сенсацию бестселлером «Лунатики»¹⁵. Эта книга уже известна российскому читателю¹⁶, поэтому лишь сообщу о том, как её восприняли германские масс-медиа и международное научное сообщество.

«Frankfurter Allgemeine Zeitung» дважды за короткий период представила её своим читателям, поместив вначале интервью с автором¹⁷, а затем развёрнутую рецензию на её немецкое издание¹⁸. Общие оценки таковы: «книга года», «триллер», автор — «блестящий рассказчик». В чём усматриваются достоинства творчества Кларка по существу? Во-первых, в реабилитации пруссачества («после его первой книги о Пруссии 2006 года это вторая масштабная атака на исторические догмы. Прусское государство считалось корнем всего зла в истории Германии: милитаризма, империализма, мегаломании. Исследование Кларка показало, что это не так»). Во-вторых, в реабилитации австро-венгерской монархии («Кларк оспаривает ходячий тезис о [её] неизбежном крахе. В трудное положение Австрию загнала Россия[!]»). В-третьих, самое главное: подлинным виновником европейского конфликта объявляются Сербия и опять-таки

¹³ Следует отметить, что почти канонический перевод названия книги Ф. Фишера как «Рывок к мировому господству» некорректен: «Griff nach der Weltmacht» — это не «Griff nach der Weltherrschaft». Речь шла о стремлении вильгельмовского рейха к статусу «мировой державы»; это понятие включало создание колониальной империи, не меньшей, чем британская или французская, и установление германо-австрийской гегемонии в Европе. Разумеется, такая программа не могла быть решена мирным путём, следовательно, инициативная роль Германии в развязывании мировой войны очевидна.

¹⁴ См. по этому поводу: *Филитов А.М.* Бисмарк и современные международные отношения // Россия и Германия. Научный гумбольдтовский журнал. 2015. № 1–2. С. 21–24.

¹⁵ См.: *Clark C.* The Sleepwalkers. How Europe Went to War in 1914. L., 2012.

¹⁶ *Любин В.П.* Лунатики. Как Европа вступала в Первую мировую войну // Первая мировая война. Современная историография... С. 78–84.

¹⁷ *Kilb A.* Die Selbstzerstörung Europas // FAZ. 2013. 9. September.

¹⁸ *Blasius R.* Defensiver Patriotismus // FAZ. 2013. 13. Oktober.

Россия как её главный «спонсор». В этой связи вряд ли можно согласиться с комплиментами Кларку как якобы стороннику «сбалансированного подхода» к вопросу о происхождении войны — виноваты, мол, все европейские державы в равной степени. Очевидно, ответственность стран Четверного союза преуменьшается: Кларк склонен оправдать даже вторжение в Бельгию, критикуя лишь её неуклюжее пропагандистское обрамление, зато антироссийский и антиславянский аффект налицо.

Концепция Кларка подробно разобрана Креймером, оценки которого в корне отличны от представленных названными немецкими комментаторами. Прежде всего отвергнут тезис о Сербии как о спонсоре терроризма: «Несколько поколений политиков, оккупантов (в обеих мировых войнах) и историков тщетно пытались уличить правительство Пашича в причастности к заговору (относительно убийства наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца Фердинанда. — *А.Ф.*), и Кларк преуспел в этом не больше. Тем не менее он сводит всю богатую конфликтами политику Сербии к одной единой цели — развязать войну. Кларк при этом игнорирует все факторы, которые противоречат его тезису: в условиях, когда армия подверглась сокращениям, а государство было обременено долгами и задачами по освоению недавно приобретённых новых территорий на юге, в разгар избирательной кампании, сербское правительство вряд ли могло быть заинтересовано провоцировать войну с соседней великой державой. Более того, как совместить наличие циничного заговора по развязыванию войны (со стороны Сербии. — *А.Ф.*) с тем фактом, что самый компетентный её военный специалист, начальник генерального штаба генерал Путник, на протяжении всего июльского кризиса отдыхал на курорте в Австрии?».

Столь же однозначно отношение Креймера к утверждениям Кларка насчёт «пацифизма» германского правительства. «Военные и канцлер ждали войну и хотели её», — констатирует автор обзора. Что же касается кайзера, то его высказывание по поводу примирительного ответа сербов на венский ультиматум («теперь отпали все причины для начала войны») вовсе не доказывает, что он в отличие от «ястребов» в Берлине и Вене «оставался приверженцем политического решения балканской проблемы», как считает Кларк. Ведь продолжение кайзеровского «миролюбивого» заявления содержит рекомендацию австрийским союзникам в качестве залога лояльного поведения сербов «оккупировать Белград». Идея захвата столицы соседнего государства для обеспечения его «лояльного поведения» была поистине новым словом в дипломатической практике. «Легко себе представить, какова была бы реакция, если бы царь выступил с предложением оккупировать Берлин», — иронически замечает по этому поводу Креймер¹⁹.

Порочный метод выборочного цитирования Креймер обнаруживает и в трактовке Кларком политики Габсбургской империи: автор «Лунатиков», к примеру, даже не упомянул об инструкции, которую получил из Вены австрийский посол в Белграде, гласившей: «Как бы сербы ни реагировали на ультиматум, Вы должны заявить о разрыве дипломатических отношений, и война должна начаться». Общий вывод автора обзора о бестселлере Кларка однозначен, и с ним нельзя не согласиться: «Начав с аргументации того рода, что нельзя говорить об особой ответственности какой-либо из сторон, и закончив

¹⁹ *Kramer A. Recent Historiography... № 1. P. 10–11.*

обвинениями по адресу Сербии, России и Франции, Кларк не убеждает ни в том, ни в другом»²⁰.

«Более сбалансированный анализ происхождения войны» представлен, по мнению Креймера, в коллективном труде под редакцией Р. Гамильтона и Х. Хервига, а также в монографиях У. Маллигана и А. Момбауэр (немецкая исследовательница, ныне работает в Англии)²¹. К сожалению, эта оценка не конкретизируется (что контрастирует с подробной характеристикой книги Кларка). Самое общее знакомство с указанными книгами вызывает больше вопросов, чем ответов. В первой из них налицо достаточно объективное освещение роли России в предвоенном кризисе: категорически отвергается тезис о том, что она «спровоцировала» державы Четверного союза на развязывание войны. Однако возможно ли, что решение германского руководства начать войну было некоей непродуманной, «нервно-панической» акцией?

Что касается книги Маллигана, то можно ли считать обоснованной точку зрения её автора о том, что «финансовые и коммерческие вопросы играли маргинальную роль в дискуссии о войне и мире в 1914 году», а «банкиры и бизнесмены пытались до самого последнего момента предотвратить войну»?²² Допустимо предположение, что в данном случае проявилась некая полемическая реакция на некогда бытовавшую псевдомарксистскую концепцию, согласно которой война возникла по «заказу» капиталистических монополий, продиктовавших свою волю послушным им правительствам. Но, когда одна крайность сменяет другую, вряд ли это можно считать приближением к истине.

Креймер обоснованно выделяет вклад в историографию книги Момбауэр, но, по моему мнению, логично было бы упомянуть её новую работу, изданную в Германии на её родном языке²³. Немецкоязычная литература вообще крайне слабо отражена в обзоре Креймера — возможно, сказались трудности перевода. Между тем вклад немецких и австрийских авторов в современную историографию Первой мировой войны нельзя преуменьшать. Особого внимания заслуживают монографии берлинских историков Х. Мюнклера и О. Янца, их фрайбургского коллеги Й. Леонхарда и венского — М. Раухенштайнера²⁴ (с его книгой российский читатель уже ознакомлен²⁵). В обзоре Креймера нерассмотренными остались также привлёкшие к себе внимание историков концепции: о вступлении Великобритании в войну (английского исследователя Н. Фергюсона²⁶ и американского — Н. Ламберта²⁷) и о «новой истории вступления Америки в Первую мировую войну» (американского историка Дж. Дённике)²⁸.

²⁰Ibid. P. 11–12.

²¹См.: The Origins of the World War I / Eds. R.F. Hamilton, H.H. Herwig. Cambridge, 2005. P. 454–457; Mulligan W. The Origins of the First World War. Cambridge, 2010; Mombauer A. The Origins of the First World War: Controversies and Consensus. L., 2002.

²²Mulligan W. Op. cit. P. 231–232.

²³См.: Mombauer A. Die Juli-Krise. Europas Weg in den Ersten Weltkrieg. München, 2014.

²⁴См.: Münkler H. Der Grosse Krieg. Die Welt 1914–1918. Berlin, 2013; Janz O. 14 – Der grosse Krieg. Frankfurt a/M, 2013; Leonhard J. Die Büchse der Pandora. Geschichte des Ersten Weltkrieges. München, 2014; Rauchensteiner M. Der Erste Weltkrieg und das Ende der Habsburgermonarchie 1914–1918. Wien, 2013.

²⁵Любин В.П. Указ. соч. С. 10–11.

²⁶Ferguson N. The Pity of War. L., 1999.

²⁷Lambert N.A. Planning Armageddon: British Economic Warfare and the First World War. Cambridge (Mass.), 2012.

²⁸Doenecke J.D. Nothing Less Than War: A New History of America's Entry into World War I. N.Y., 2011.

Концепция Фергюсона заслуживает в наибольшей степени характеристики «антиистории». Её основной посыл заключается в том, что Великобритания совершила роковую ошибку, вступив в войну против Германии, политика и планы которой никоим образом не угрожали её интересам. Единственное, на мой взгляд, в чём можно согласиться с автором, — его критика официальной версии о мотивах Лондона при объявлении войны: речь шла вовсе не о высокоморальной реакции на германское вторжение в нейтральную Бельгию, а о соображениях поддержания баланса сил в Европе. Однако тезис историка о том, что победа Германии в войне и установление германской гегемонии в Европе не нарушили бы этот баланс, явно противоречит здравому смыслу. В последнее время Фергюсон несколько модифицировал свою концепцию: он уже в принципе не против военного вмешательства Великобритании в конфликт, однако считает, что это следовало сделать позднее, после должной подготовки. Думаю, что такая точка зрения означает ещё большее отступление от здравого смысла: отказавшись от поддержки Франции на начальном этапе войны, Лондон лишь сыграл бы на руку немецким стратегам, намеревавшимся бить противников поодиночке. Концепция Фергюсона стала лёгкой мишенью для критиков, в числе которых оказались даже члены британского правительства; однако речь шла не столько о восстановлении исторической истины, сколько о возрождении старой мифологии о «благородных» целях войны со стороны Великобритании²⁹.

Гораздо более сильный удар по этой мифологии нанесла концепция, представленная в монографии Ламберта. Проведя глубокие изыскания в архивах британского Адмиралтейства, материалы которых ранее почти не вводились в научный оборот, автор пришёл к выводу: с английской стороны «планировали Армагеддон» (так звучит название его книги; имеется в виду мировая война) не менее интенсивно, чем в Германии. Правда, главным оружием Лондона должны были стать не пушки и солдаты, а информация о финансовых потоках и маршрутах морского судоходства — то, что было обеспечено практически монопольным положением Великобритании в сфере международного банковского и страхового бизнеса. «Ни одна из современных книг не изменила параметры дискуссии о характере конфликта (Первой мировой войны. — А.Ф.) столь решающим образом, как та, что написал Николас Ламберт»³⁰. Эта оценка одного из её рецензентов может показаться преувеличенной, однако несомненной заслугой автора является то, что он привлёк внимание к закулисной «мягкой силе», влиявшей на ход истории не меньше, чем события, развернувшиеся на полях сражений.

Что касается книги Дённике, то в ней выдвигается парадоксальный тезис: США оказались вовлечёнными в войну из-за своего «пацифизма», т.е. если бы Вильсон позаботился о создании достаточно мощного военного потенциала, то смог бы сохранить нейтральный статус страны без ущерба для её интересов и не идти на поводу у Антанты. Утверждение, мягко говоря, весьма спорное. Как отметил один из участников интернет-дискуссии по книге Дённике, «наличие мощной военной промышленности обычно рассматривалось как фактор, стимулирующий военный авантюризм»³¹.

²⁹О полемике вокруг творчества Н. Фергюсона см.: *Thomas G. Fergusons umstrittene Weltkriegs-These. Jeder hat sich verrechnet* // FAZ. 2014. 31. Januar.

³⁰Review by Harold James, Princeton University // H-Diplo Roundtable Reviews. Vol. XV. 2014. № 18. P. 21.

³¹Review by Rodney R. Carlisle, Rutgers University // H-Diplo Roundtable Reviews. Vol. XIV. 2012. № 4. P. 8.

Вернёмся к трудам историков ФРГ и их восприятию в масс-медиа. «Две «внучки» Фрица Фишера в своих новых работах об июльском кризисе 1914 года вступают в бой против тезиса о «лунатиках» Кристофера Кларка», — такую «шапку» редакция «Frankfurter Allgemeine Zeitung» предпослала рецензии Р. Блазиуса³² на книги Момбауэр и её коллеги, профессиональной журналистки К. Пёппельман³³. Немецкий рецензент не высказывает собственного отношения ни к «идее» Кларка, ни к тезисам его критиков, ограничиваясь подчёркнуто нейтральным изложением содержания рассматриваемых работ. Сторонники военного решения были и на стороне Антанты, однако именно в Берлине и Вене милитаристские круги оказывали наибольшее влияние на политиков и дипломатов, резюмирует Блазиус концепцию Момбауэр. Никак не комментирует рецензент и её трактовку британской политики, в частности, идею о том, что «в Уайтхолле меньше опасались враждебной Германии, чем враждебной России»³⁴. На первый взгляд, этот тезис парадоксален и трудно сочетается с фактом вступления Великобритании в войну на стороне Антанты. Между тем, учитывая крайнее нежелание английской стороны оказывать сколько-нибудь существенную помощь военным усилиям Российской империи, вполне допустим вывод о том, что Лондон был больше всего заинтересован во взаимном ослаблении двух крупнейших континентальных держав — России и Германии. Во всяком случае ни о каком искреннем, лояльном и долговременном сотрудничестве с восточным союзником английская сторона не помышляла.

Критическое отношение к политике вильгельмовской монархии проявляется и в тех обобщающих трудах по истории Первой мировой войны, где вопрос о её происхождении — лишь один из многих других. Авторы этих работ, как правило, отмежёвываются от «крайностей» концепции Фишера, но те или иные её элементы отражают и в своём творчестве. Так, Мюнклер соглашается с тем, что именно в Германии влияние военной касты на политические и военные решения было больше, чем в какой-либо другой европейской стране, а Янц признаёт за руководством рейха «главную вину» в развязывании войны (остаётся неясным, почему один из рецензентов его книги считает понятие «главная (или «основная») вина» «неудачным»)³⁵. Вместе с тем оба историка усматривают эту вину не в наличии далеко идущих экспансионистских целей у кайзера и его окружения, а в допущенных ими «ошибках» в оценке международной обстановки.

Из «солидных» исследований тезис об отрицании вины рейха представлен лишь в монографии К. Каниса — заключительном томе его трилогии об истории внешней политики Германии 1871–1914 гг.³⁶ Согласно концепции автора, путь к войне начался не в 1897 г. (пост канцлера занял Бюлов) и не в 1898 г. (в Германии приступили к интенсивному морскому вооружению), а в 1902 г., когда произошла «переориентация» британской внешней политики, целью которой стало создание направленного против Германии «картеля колониальных держав», который и вызвал у неё вполне реальные страхи «окружения». Неудивительно, что книга Каниса нашла положительный отклик со стороны

³²Blasius R. Furcht und Selbstüberschätzung // FAZ. 2014. 10. März.

³³Pöppelmann Ch. Juli 1914. Wie man einen Weltkrieg beginnt und die Saat für einen zweiten legt. Ein Lesebuch. Berlin, 2013.

³⁴Blasius R. Op. cit.

³⁵Epkenhans M. Berlins grobe Fehleinschätzung // FAZ. 2014. 2. Juni.

³⁶Canis K. Der Weg in den Abgrund. Deutsche Politik 1902–1914. Paderborn, 2011.

Д. Гепперта, который впоследствии стал одним из авторов упомянутого ранее «манифеста четырёх» (налицо, кстати, и текстуальные совпадения между рецензией и «манифестом») ³⁷. Очевидно, полемика между апологетами и критиками германской политики начала XX в. ещё не закончена.

Картина современного состояния международной дискуссии о причинах Первой мировой войны была бы неполной без упоминания об изданной в США книги под названием, которое говорит само за себя: «Российское происхождение Первой мировой войны». Её автор Ш. Мак-Микин утверждает, что главной виновницей развязывания войны явилась Россия, которая издавна — «со времён начала династии Романовых» — преследовала экспансионистские цели в отношении Турции. «Для России, но не для её союзников, — пишет автор, — война 1914 года всегда была войной за оттоманское наследство, за Константинополь и проливы. В борьбе за этот стратегический приз, в момент, казавшийся уникально подходящим для того, чтобы привлечь на свою сторону Британию и Францию для нейтрализации германской угрозы российским амбициям, Сазонов (российский министр иностранных дел. — А.Ф.) и генералы в Ставке ввергли Европу в величайшую катастрофу современности» ³⁸. В рамках данной статьи нет возможности для разбора аргументации Мак-Микина, но внимательный читатель обнаружит явные противоречия и недомолвки даже в вышеприведённой цитате. Если главным конфликтом, приведшим к войне, был российско-турецкий, то при чём тут «германская угроза»? И была ли эта угроза направлена только и/или в первую очередь против России? Разве не существовали англо-германское соперничество и проблема Эльзас—Лотарингии в германо-французских отношениях?

Для характеристики творческой манеры Мак-Микина укажу, кстати, на его весьма странную попытку записать в число своих единомышленников российских историков (в частности, К.Ф. Шацилло и О.Р. Айрапетова), а также доказать российское(?) авторство известного англо-французского плана по разделу ближневосточных владений Турции — «соглашение Сайкса—Пико». Замечу, что к столетней годовщине создания этого документа «Frankfurter Allgemeine Zeitung» поместила развёрнутую исследовательскую статью, в которой опровергается тезис о «российском следе» в его происхождении. В статье корректно определяется главный замысел соглашения — создать «буферные зоны» по обеспечению британских позиций на Ближнем Востоке и в Индии, в частности, против России.

В принятии плана Сайкса—Пико немецкий автор не без основания усматривает «корень» нынешнего ближневосточного конфликта, поскольку границы государств, которые предполагалось создать и которые действительно были созданы на руинах Османской империи, не учитывали этнические и религиозные характеристики тамошнего населения. Однако считать, что Россия ответственна за эту акцию, имевшую антироссийский характер, — это прямое надругательство над элементарной логикой ³⁹.

Ещё одна характерная черта сочинения Мак-Микина — довольно беспечная манера, с которой он буквально расправляется с историками, не разделяющими его взглядов. Им предъявляются обвинения в «пророссийской» позиции, что, очевидно, должно означать их дисквалификацию как учёных.

³⁷ Geppert D. Der reale Kern der Einkreisungsängste // FAZ. 2012. 12. Februar.

³⁸ McMeekin S. The Russian Origins of the First World War. Cambridge (Mass.), 2011. P. 232.

³⁹ См.: Hermann R. Wurzel des Nahostkonflikts // FAZ. 2016. 15. Mai.

В число таких авторов попали и упомянутый выше Хервиг, и даже гораздо более критично настроенный в отношении российской политики Д. Ливен⁴⁰. Замечу, что в обзоре Креймера книга Мак-Микина вообще не фигурирует, что можно трактовать как молчаливое отрицание её научной ценности (зато её одобрительно упоминают авторы «манифеста четырёх»).

Одна из непреходящих тем для дискуссий касается хода военных действий, причин победы Антанты и поражения Германии в войне. Почему провалился «план Шлиффена», согласно которому в самые кратчайшие сроки следовало покончить с Францией, а затем всеми силами обрушиться на Россию? Чем объяснить «чудо на Марне», когда французские войска после понесённых тяжёлых поражений сумели остановить продвижение немецких армий? Какую роль сыграли битвы на Сомме, под Верденом, на галлиполийском плацдарме, военные операции в Африке, а также экономика и моральный фактор в исходе войны, насколько велик вклад «туземных» контингентов (людских резервов из колоний и зависимых территорий) в победу Антанты — такие основные вопросы выделяет Креймер как наиболее ярко отражающие современные тенденции в изучении рассматриваемой темы. По моему мнению, этот список вопросов вполне адекватен, весьма интересны и примеры приводимых автором ответов на них в современной западной историографии.

По поводу «плана Шлиффена» упоминается в появившейся в начале 2000-х гг. курьёзной версии, начисто отрицавшей само существование такового и постулировавшей «оборонительный» характер германских военных планов. Последовала «небольшая дискуссия», как её охарактеризовал Креймер (тем не менее она растянулась почти на десятилетие). Отмечается появление солидного труда, где доказывалось, что эта версия «безосновательна», констатируется ответная реакция её первооткрывателя. Тот вновь заявил: «Никакого “плана Шлиффена” не было»⁴¹. На чьей стороне Креймер, остаётся догадываться.

Среди новых книг по военной истории особо выделяется труд канадского исследователя Х. Хедвига «Марна 1914. Начало Первой мировой войны и битва, которая изменила мир»⁴². Уже сам заголовок красноречиво отражает концепцию автора, но Креймер её никак не комментирует. Собственное мнение насчёт того, почему германские войска в этой битве потерпели поражение, он также предпочитает не высказывать, равно как и отношение к трактовке рассматриваемой проблемы у выделенного им автора: «Хедвиг должным образом рассматривает все факторы с немецкой и французской стороны (повлиявшие на исход сражения. — А.Ф.), однако особо подчёркивает издержки коммуникации — в техническом и личном аспектах — между немецкими военачальниками, которые вели себя как примадонны, яростно переругиваясь друг с другом. Было ли это решающим — вопрос всё ещё открыт»⁴³. Думаю, что «закрыть» данный вопрос могло бы то простое соображение, что «издержки коммуникации», если и имели место, то почему-то не помешали немецким военачальникам разбить войска Антанты в Бельгии и на севере Франции, и «переругиваться» они

⁴⁰McMeekin S. Op. cit. P. 245. Cp.: Lieven D. Russia and the Origins of the First World War. N.Y., 1983.

⁴¹См.: Zuber T. Inventing the Schlieffen Plan. German War Planning 1871–1914. Oxford, 2002; Zuber T. There Never Was a «Schlieffen Plan»: a Reply to Gerhard Gross // War in History. 2010. P. 231–249; Ehleri H., Epkenhans M., Groß G. Der Schlieffenplan. Analysen und Dokumente. Paderborn, 2006.

⁴²Hedwig H.H. The Marne 1914. The Opening of the World War I and the Battle that Changed the World. N.Y., 2009.

⁴³Kramer A. Recent Historiography... № 1. P. 13.

стали, скорее всего, вследствие того, что машина наступления застопорилась, а не наоборот. Причина здесь, очевидно, спутана со следствием.

Замечу, что на протяжении своего историографического обзора, весьма разностороннего и основательного, Креймер не назвал ни одной работы о Восточном фронте и ни разу не упомянул о роли российской армии в спасении западных союзников от поражения, в частности, и в период битвы на Марне. Между тем, хотя дефицит специальных работ о военном вкладе России в западной историографии действительно налицо, признания её роли — в рамках обобщающих трудов — всё же имеются. Приведу высказывание берлинского историка и политолога Мюнклера: «При всей значительности немецких успехов на Восточном фронте, они не сломили российскую армию и потому не имели решающего значения для исхода войны. Большее влияние в этом плане оказало решение Мольтке (начальник германского генштаба. — А.Ф.) перебросить на Восточный фронт с Западного два армейских корпуса ввиду разразившегося кризиса в Восточной Пруссии. Они прибыли туда слишком поздно, чтобы сыграть какую-то роль в исходе битвы под Танненбергом, однако их явно не хватало в период битвы на Марне, развернувшейся со второй недели сентября. Таким образом, преждевременное русское наступление в Восточной Пруссии оказало-таки влияние на исход войны: русские, хотя и проиграли обе битвы (имеются в виду поражения армий генералов А.В. Самсонова и П.К. Ренненкампа. — А.Ф.), но с определённой долей вероятности спасли французов от поражения на Марне»⁴⁴.

Нетрудно заметить, что немецкий историк, делая это признание, стремится придать ему менее категоричную форму: выражение «с определённой долей вероятности» («mit einer gewissen Wahrscheinlichkeit») заставляет читателя предположить, что автор сомневается в том, что им самим сказано. Тем не менее это предпочтительнее, чем фигура умолчания.

Вероятно, именно тем, что судьба битвы на Марне была решена не столько её участниками, сколько подвигом и самопожертвованием российских армий, можно объяснить следующий феномен. Его Креймер констатирует в качестве своеобразной загадки, ответа на которую не находит: большинство военных мемориалов расположено на Сомме, во Фландрии или у Вердена, а не в местах сражения на Марне. Что касается битв на Сомме и под Верденом, то, отмечает автор обзора, первая занимает особое место в исторической памяти англоязычных стран, тогда как вторая имеет такое же особое символическое значение для немцев и французов.

Сам Креймер, хотя и замечает, что «читатель за пределами англофонского мира может быть озадачен буквальной заикленностью» на событиях сражений на Сомме, в какой-то мере находит этому оправдание. Если ранее при характеристике битвы подчёркивались бессмысленность этих жертв и некомпетентность британского командования, то ныне подобные оценки объявляются «большим историческим мифом», сочинителями которого были-де У. Черчилль и Б. Лиддел-Гарт. Такую тенденцию в историографии констатирует и приветствует автор обзора на основании анализа монографии У. Филпотта «Кровавая победа. Самопожертвование на Сомме»⁴⁵. Достоинство этой книги Креймер усматривает в том, что её автор признаёт, «в отличие от многих британских историков»: в битве участвовали не одни англичане и подданные империи, но

⁴⁴ Münkler H. Op. cit. S. 157.

⁴⁵ Philpott W. Bloody Victory: The Sacrifice on the Somme. L., 2010.

и французы (а всего представители «двух десятков наций»). Кроме того, Филпотт не преуменьшает, но и не преувеличивает эффективность действий британских войск (к примеру, артиллерия первоначально была их «слабым местом», и лишь к концу войны наступило улучшение). Креймер разделяет и общий вывод Филпотта о том, что битва на Сомме «в гораздо большей степени приблизила крах германского сопротивления, чем это представлялось ранее»⁴⁶. Однако такая оценка не аргументируется.

Среди работ, посвящённых событиям вне европейского театра военных действий, автор обзора упоминает книгу австралийского историка Р. Прайора о Галлиполийской экспедиции, в которой автор выносит ещё более суровый, чем ранее, приговор союзным командующим за её провал и попытки занизить свои потери (официальная цифра — 180 тыс., фактическая — 390 тыс. человек)⁴⁷. Формулировка о «конце мифа» в подзаголовке работы относится к ранее распространённой версии об «упущенной возможности» победы над турками. Креймер сетует на отсутствие «транснациональной» трактовки роли турецкого фронта; возможный прорыв он ожидает от продолжения работы турецкого историка М. Аксакала, представившего недавно монографию о вступлении Османской империи в войну⁴⁸.

Что касается экономических аспектов Первой мировой войны, то связанная с ними проблематика, как образно пишет ирландский автор, представляет собой «мёртвую заводь» («Backwater»). Из имеющихся работ он выделяет коллективный труд «Экономика Первой мировой войны», выражая, впрочем, несогласие с тезисом её редакторов о том, что «исход войны в конечном счёте решило соотношение экономических потенциалов и показателей производства» у противоборствующих сторон. Подобная аргументация, по его мнению, не учитывает такие важные факторы, как моральное состояние общества, степень мобилизации имеющихся ресурсов и проблемы с логистикой. Пример, иллюстрирующий данную мысль, приводится, правда, из истории периферийного театра военных действий: «Если главным и определяющим фактором был экономический потенциал, то как объяснить высокий уровень боеспособности османской армии?»⁴⁹.

Проблема материальных лишений и голода среди гражданского населения в прошлом фокусировалась на ситуации в Германии, отмечает Креймер, выражая несогласие с таким зауженным подходом. Опираясь, в частности, на собственные исследования, он подчёркивает, что от войны в той или иной степени страдали «почти все воюющие страны» (неназванное исключение — по-видимому, США) и, к примеру, в Италии вызванный войной рост смертности был «на 50% выше, чем в Германии»⁵⁰. Спорным остаётся вопрос о влиянии антантовской блокады на продовольственную ситуацию в Германии. Как можно понять, после вышедшей ещё в 1989 г. книги А. Оффера (где это влияние минимизируется, а главными факторами недоедания — не голода! — немцев названы

⁴⁶Kramer A. Recent Historiography... № 1. P. 14–15.

⁴⁷См.: Prior R. Gallipoli: The End of the Myth. New Haven, 2009.

⁴⁸Aksakal M. The Ottoman Road to War in 1914: The Ottoman Empire and the First World War. Cambridge, 2008.

⁴⁹Kramer A. Recent Historiography... № 2. P. 156.

⁵⁰Ibid; см. также: Kramer A. Dynamic of Destruction. Culture and Mass Killing in the First World War. Oxford, 2007; Kramer A. Blockade and Economic Warfare // The Cambridge History of the First World War. Vol. 2 / Ed. J. Winter. Cambridge, 2014. P. 460–489.

издержки внутренней политики рейха)⁵¹ новых исследований на эту тему не появилось. Тезисы Оффера Креймер называет «спорными», не конкретизируя, впрочем, свою оценку⁵².

Важным преимуществом Антанты в «экономической войне» называется имевшаяся у неё возможность импортировать рабочую силу из третьих стран, в связи с чем особо упоминается исследование об использовании труда 140 тыс. китайских вспомогательных рабочих во Франции⁵³. Ещё больше были контингенты из Азии и Африки, напрямую участвовавшие в военных действиях на стороне Антанты и сыгравшие немалую роль в её победе: в британской армии на Западном фронте — 120 тыс. индусов (в 1915 г. их перебросили на Ближний Восток), во французской — 475 тыс. солдат, на вербованных в колониях Франции и т.д. Участию в войне её «колониальных войск» посвящено специальное исследование, где отмечается, что потери там были существенно выше, чем в частях, состоявших из коренных французов. К тому же в отношении африканских подразделений порой применялось такое варварское наказание, как децимация (расстрел каждого десятого)⁵⁴. То же самое было характерно и для британской армии: в ходе военных действий на Ближнем Востоке «с африканцами и египтянами обращались жёстче, чем с другими» и даже придумывали для них особенно унижительные наказания⁵⁵.

На вербованных (по большей части насильственным путём) воинов и носильщиков из местных племён использовала также немецкая сторона в ходе военных действий в Африке, причём местные жители составляли подавляющее большинство в боевых частях. То же самое было характерно и для сражавшихся британских частей, так что африканцы фактически воевали с африканцами. Разумеется, влияния на исход войны на главном, европейском, театре эта колониальная война не оказала, хотя, как пишет Креймер, «в последнее десятилетие произошёл настоящий бум в исследованиях по колониальной истории Германии» и особый интерес вызывали «подвиги» главнокомандующего немецкими войсками в Африке П.Э. фон Леттов-Форбека⁵⁶.

Заметим, что достаточно широко освещая участие неевропейских народов в войне и особенно подчёркивая роль иноязычных формирований в отпоре немецкой агрессии на Западном фронте (это, несомненно, новый тренд в историографии), автор обзора не упоминает о действиях российского экспедиционного корпуса на французской земле.

«Одной из главных тем новейшей стадии исследований является мотивация участников военных действий. Что давало возможность солдатам держаться на протяжении четырёх лет в грязи, крови, вшах под постоянной угрозой смерти? Тем, кто ныне живёт в благополучном обществе XXI в., чужающемся

⁵¹См.: *Offer A. The First World War. An Agrarian Interpretation.* Oxford, 1989.

⁵²*Kramer A. Recent Historiography...* № 2. P. 157.

⁵³См.: *Guoqi X. Strangers on the Western Front. Chinese Workers in the Great War.* Cambridge (Mass.), 2011.

⁵⁴См.: *Fogarty R.S. Race and War in France. Colonial Subjects in the French Army 1914–1918.* Baltimore, 2008; см. также: *Race, Empire and the First World War Writing* / Ed. S. Das. Cambridge, 2011.

⁵⁵*Jarboe A.T., Fogarty R.S. Shifting Frontiers and Imperial Dynamics in a Global War.* L.; N.Y., 2014. P. 178.

⁵⁶*Kramer A. Recent Historiography...* № 2. P. 159; см. также: *Schulte-Varendorf U. Kolonialheld für Kaiser und Führer. General Lettow-Vorbeck – Mythos und Wirklichkeit.* Berlin, 2006; *Michels E. «Der Held von Deutsch-Ostafrika»:* Paul von Lettow-Vorbeck. Ein preußischer Kolonialoffizier. Paderborn, 2008.

самого понятия “военные потери”, почти невозможно поверить, что люди могли терпеть такие условия, но они терпели — за некоторыми хорошо известными исключениями», — так Креймер начинает очередной раздел своего обзора. В первую очередь его интересуют именно эти «исключения» и их трактовка в историографии.

Прежде всего речь идёт о мятежах во французской армии весной 1917 г. Отмечается наличие двух концепций этого феномена. Первая принижает его значение: число отказавшихся выполнять приказы было незначительным (около 40 тыс. человек), их действия можно назвать эмоциональной реакцией на огромные и бессмысленные потери в ходе «бойни генерала Нивеля», в массе же своей солдаты оставались на «патриотических» позициях⁵⁷. Согласно второй концепции мотивы мятежников не ограничивались протестом против отдельных, особо вопиющих, фактов некомпетентности командования, а отражали общий «кризис дисциплины» в армии; солдаты не воспринимали официальные лозунги о «защите родины», налицо было «широкое стремление остановить войну»⁵⁸.

Хотя наиболее ярко первую концепцию развил американский историк Л. Смит, Креймер считает возникшую контрверзу отражением конфликта, происходившего между французскими коллегами, группировавшимися вокруг музейно-исследовательского центра «Историаль» («Historial de la Grande Guerre»), и их более радикально настроенными оппонентами из «Коллектива международных исследований и дебатов по войне 1914—1918 гг.» («Collectif de Recherche International et de Debat sur la Guerre 1914—1918»). Автор обзора, как представляется, более критично относится ко второй, «радикальной», концепции. Поддержку своей позиции он усматривает в результатах исследования французского историка Б. Кабане, согласно которым «летом—осенью 1918 года французские солдаты, несмотря на свою усталость (от войны), были преисполнены беспощадной решимости довести войну до (победного) конца»⁵⁹.

Считаю, что здесь есть некоторое нарушение принципов историзма. Ситуация 1918 г. в корне отличалась от той, что имела место год назад. Тогда на все воюющие стороны сильно влияли революционные события в России и исходившие из Петрограда призывы к миру. В 1918 г. российский пример работал в ином направлении: Брестский мир наглядно показал, к чему может привести попытка «договориться по-хорошему» с германскими милитаристами, и именно осознанием этого факта объясняется, на мой взгляд, перелом в морали и настроениях армий Антанты (кстати, такой же перелом — с обратным знаком — произошёл и в кайзеровской армии; историки лишь спорят, когда именно в 1918 г. там начались «массовые сдачи в плен»⁶⁰ и оправданно ли писать о «скрытой забастовке» немецких солдат на Западном фронте⁶¹). Можно лишь вновь констатировать, что игнорирование «российского фактора» делает

⁵⁷См.: *Smith L.V.* Between Mutiny and Obedience. Princeton, 1994; *Smith L.V.* The Embattled Self. French Soldiers' Testimonials of the Great War. Ithaca, 2007.

⁵⁸См.: *Loez A.* 14—18. Les refus de la guerre. Une histoire des mutins. Paris, 2010.

⁵⁹См.: *Cabanes B.* La Victoire endeuillée. La sortie de guerre des soldats français 1918—1920. Paris, 2004.

⁶⁰См.: *Watson A.* Enduring the Great War. Morale and Collapse in the German and British Armies, 1914—1918. Cambridge, 2004.

⁶¹*Deist W.* Verdeckter Militärstreik im Kriegsjahr 1918? // Der Krieg des kleinen Mannes. Eine Militärgeschichte von unten / Hg.W. Wette. München, 1992. S. 146—167. См. также: *Lipp A.* Meinungslenkung im Krieg. Kriegserfahrungen deutscher Soldaten und ihre Deutung 1914—1918. Göttingen, 2003.

историческую (и историографическую) картину неполной, а потому и дефектной. Впрочем, Креймер сам признаёт наличие серьёзной лакуны в освещении событий войны на её завершающем этапе: «Происхождению войны, июльскому кризису и началу войны посвящено огромное множество книг и статей. Курьёзным контрастом является скудость исследований об окончании войны»⁶². Не объясняется ли такое положение, помимо прочего, нежеланием говорить о роли России?

Автору данных строк известен лишь один случай, когда «российский фактор» в Первой мировой войне стал предметом широкого обсуждения на Западе. Речь идёт об организованной в 2004 г. Потсдамским военно-историческим центром (ФРГ) конференции и изданном на её материалах сборнике с характерным названием «Забытый фронт — Восток 1914—1915 гг.: События, влияние, последствия» (среди его авторов — российские историки Б.Л. Хавкин и И.В. Нарский)⁶³.

Судя по хроникальной заметке об этом форуме, должную оценку на нём получили такие специфические черты войны на востоке, как гигантская протяжённость линии фронта, высокий уровень потерь, особенно в австро-венгерской армии, манёвренный характер военных действий (в отличие от почти неподвижного фронта на Западе)⁶⁴. Вместе с тем узость хронологических рамок (два первых года войны) не позволила раскрыть воздействие на общий ход войны таких событий, как Брусиловский прорыв, не говоря уже о российских революциях 1917 г. В выступлениях участников (и затем в статьях сборника) фигурировали и малообоснованные версии: отрицалось существование «плана Шлиффена», российским властям предъявлялись обвинения в «экономической эксплуатации» военнопленных, причём в «драматических масштабах»⁶⁵.

В научных исследованиях последнего времени всё чаще выдвигаются на передний план гуманитарные аспекты войны (в частности, отношение к военнопленным, мирному населению на оккупированных территориях и в собственном тылу). Этот процесс можно считать вполне естественным: когда ныне говорится о «цене войны», имеется в виду не столько уровень материальных и людских потерь (соответствующий подсчёт уже давно проведён, возможны лишь отдельные уточнения), сколько ущерб, который она нанесла основам человеческой цивилизации. Формула о том, что «идея прогресса умерла в окопах Первой мировой войны», содержит явное преувеличение. Однако очевиден привнесённый ею регресс в то, что касается гуманитарной сферы, ставший ещё более очевидным в ходе Второй мировой войны и последующих военных конфликтов (Корея, Вьетнам и т.д.)⁶⁶. Повышенное внимание к изучению причин, форм и последствий того отката в варварство, начало которому положила Первая мировая война, является в этой связи своеобразным не только научным, но и моральным императивом для исследователей.

⁶²Kramer A. Recent Historiography... № 2. P. 172. Единственным исключением он считает книгу Д. Стивенсона под названием, очевидно, имитирующим солдатский жаргон: «Нас припёрли к стенке». См.: Stevenson D. With Our Backs to the Wall. Victory and Defeat in 1918. L., 2001.

⁶³См.: Die vergessene Front — der Osten 1914/15. Ereignis, Wirkung, Nachwirkung / Hg. G.P. Gross. Paderborn, 2006.

⁶⁴Kellerhoff S.F. Die vergessene Front // Die Welt. 2004. 2. Juni.

⁶⁵Barth B. Rezension zu: Die vergessene Front — der Osten 1914/15. Ereignis, Wirkung, Nachwirkung / Hg. G.P. Gross. Paderborn, 2006 // H-Soz-Kult. 2008. 19. Dezember (URL: <http://www.hsozkult.de/publikationreview/id/rezbuecher-8238>).

⁶⁶См. подробнее: Филитов А.М. Мировые войны — роковые вехи... С. 110—111.

Внимание историков издавна привлекала тема нарушений норм международного права, допущенных немецкой армией во время военных действий в Бельгии и северо-западных областях Франции. Существенный вклад в раскрытие этой темы внёс Креймер. В книге, написанной им в соавторстве с Дж. Хорном, есть не только полное описание военных преступлений немецких оккупантов, совершённых против мирного населения, но и исчерпывающая картина попыток германских властей (а затем и историков) скрыть эти преступления либо преуменьшить их масштабы, найти для них оправдания⁶⁷.

В Германии книга вызвала острую дискуссию (продолжающуюся и поныне), в ходе которой особенно ярко проявили себя тенденции апологетики в духе «защиты чести немецкого солдата»⁶⁸. Совсем недавно вышел огромный (679 страниц!) труд немецкого историка Г. Шпраула, посвящённый полемике с «домыслами» Хорна и Креймера⁶⁹. Весьма противоречива оценка этой работы в масс-медиа: с одной стороны, она характеризуется как образчик «злобного правоконсервативного пасквиля», с другой — указывается на некие (никак не конкретизируемые) недостатки в книге Хорна и Креймера, и выходит, что автор «пасквиля» не так уж неправ в своих выводах⁷⁰.

Логично было бы предположить, что в своём историографическом обзоре Креймер коснётся дискуссии вокруг этой книги, которая обеспечила ему и его соавтору, без преувеличения, мировую известность. Однако вместо ответа оппонентам он находит новую тему для подтверждения тезиса о нарушении норм права и принципов гуманности в ходе Первой мировой войны — осуществлявшиеся российской стороной «депортации» из прифронтовых районов «миллионов поляков, этнических немцев, евреев, литовцев и прочих». Тут же упоминается о депортациях армян в Турции, подвергшихся «расовому геноциду», и хотя прямой параллели между действиями российских и турецких властей не проводится, но намёк на близость соответствующих феноменов есть⁷¹. Налицо и новый тренд в историографии. Главными (если не единственными) виновниками антигуманных акций периода войны объявляются Турция — на стороне Четверного союза, и Россия — на стороне Антанты.

Известные коррективы в эту картину внесла серия статей, опубликованных в том же «*Journal of Modern European History*» и посвящённых политике участников войны в отношении статуса и собственности граждан вражеских государств, а также представителей собственных этнических меньшинств, которых подозревали в сотрудничестве с противником. Общий вывод: действия российских властей принципиально не отличались от характерных для других стран Антанты⁷². Указывается и на неосновательность того, что на одну доску были поставлены Россия и Турция как главные нарушители принципов права и гуманности: «В Российской империи имела реальная и поразительно глубокая традиция уважения к международному праву, и вдобавок революция 1905 года

⁶⁷См.: *Horne J., Kramer A. German Atrocities 1914. A History of Denial.* New Haven; L., 2001.

⁶⁸См. подробнее: *Филитов А.М.* Смена парадигм в историографии... С. 296–297.

⁶⁹См.: *Spraul G. Der Franktireurkrieg 1914. Untersuchungen zum Verfall einer Wissenschaft und zum Umgang mit nationalen Mythen.* Berlin, 2016.

⁷⁰*Epkenhans M.* Grausamkeiten in Belgien. Was geschah denn nun wirklich? // FAZ. 2016. 7. November.

⁷¹*Kramer A.* Recent Historiography... № 1. P. 22.

⁷²См. вступительную статью к этой серии: *Cagliotti D.L.* Aliens and Internal Enemies: Internment Practices, Economic Exclusion and Property Rights during the First World War // *Journal of Modern European History.* Vol. 12. 2014. № 4. P. 448–459.

принесла значительный прогресс в том, что касалось главенства права и формирования гражданского общества, и всё это в совокупности перекрывало ту сравнительно узкую базу, на которую могли подействовать националистические лозунги любого вида». Правившие же в тогдашней Османской империи младотурки из движения «Единение и прогресс», напротив, «никогда не придерживались принципов международного права»⁷³.

Интересны замечания авторов относительно проводимых порой параллелей между геноцидом армян и антинемецкими погромами в Москве⁷⁴: в первом случае директивы о развязывании террора шли сверху, от центрального руководства, тогда как во втором речь шла о попустительстве либо даже провокациях со стороны местных властей, на которые центр реагировал резким осуждением и требованиями навести порядок. Параллель, таким образом, признаётся искусственной и неправомерной.

Своеобразный подход к гуманитарным аспектам Первой мировой войны демонстрирует польский историк К. Рухневич (директор основанного в 2003 г. Центра германских и европейских исследований имени В. Брандта при Вроцлавском университете) в статье, опубликованной в «Frankfurter Allgemeine Zeitung». Нельзя не согласиться с ним в том, что происходившие в Восточной Европе военные события окружены «пеленой забвения». Вполне уместно его напоминание об извлечённых из этой «пелены» фактах: массовых репрессиях немецких оккупантов против жителей польского пограничного с Германией г. Калиш (под теми же предлогами, как и в отношении бельгийцев — якобы немецкие солдаты подвергались обстрелам со стороны нонкомбатантов), первом применении химического оружия в окрестностях Лодзи в январе 1915 г. (ещё до известной атаки под Ипром). Впрочем, видимо, вспомнив о нынешнем натовском «братстве по оружию» с немцами, автор поспешно переводит огонь критики на Россию: и воевала она-де плохо, и страдания мирному населению причиняла невероятные. Парадоксальны его тезисы о том, что начало Первой мировой войны воплотило в жизнь «поколениями вынашиваемую надежду поляков» на восстановление своей независимости в результате конфликта между угнетавшими их империями, и что «с точки зрения многих народов Восточно-центральной Европы Первая мировая война принесла им свободу, а вот Вторая — наоборот её лишила»⁷⁵. А о том, что Вторая мировая война поначалу лишила поляков не только свободы, но и перспектив на выживание и что только Красная армия устранила эту угрозу и обеспечила польской нации новый, более жизнеспособный территориальный статус, просто умалчивается. В данном случае налицо явная дань националистическим и примитивно антироссийским настроениям.

Весьма характерна для современной зарубежной историографии дискуссия, развернувшаяся вокруг понятия «вторая тридцатилетняя война», которое объединяет в одно целое обе мировые войны, равно как и межвоенный период. По моему мнению, эвристическая ценность этой конструкции, введённой в своё время в оборот Черчиллем, весьма сомнительна: нацистская Германия представляла собой несравненно больший и качественно иной вызов цивилизации,

⁷³Űngör Ű., Lohr E. Economic Nationalism, Confiscation and Genocide. A Comparison of the Ottoman and Russian Empires during World War I // Journal of Modern European History. Vol. 12. 2014. № 4. P. 520.

⁷⁴См. подробнее: Гатагова Л. Хроника бесчинств. Немецкие погромы в Москве в 1915 году // Родина. 2002. № 10. С. 18–23.

⁷⁵Ruchniewicz K. Der fremde Krieg // FAZ. 2014. 10. August.

чем вильгельмовская или Австро-Венгерская империи, а антигитлеровская коалиция принципиально отличалась от Антанты. Такие сопоставления сторонники этой версии не проводят, а обосновывают её тем соображением, что Первая мировая война вызвала настолько сильную и всеобщую «брутализацию» социумов и политических движений, что это неизбежно должно было вылиться в новый мировой конфликт. Некоторые авторы (среди них, помимо Креймера, также известный немецкий историк Й. Эхтеркамп) считают преувеличенным тезис о всеобщей «брутализации»: он-де не применим к «демократическим государствам» и может быть отнесён только к Советской России⁷⁶. Как видим, «русский фактор» вновь трактуется в весьма специфическом контексте.

Тезис об особой российской «брутальности» — в центре концепции одной из немногих крупных работ, где затрагивается история внутренней политики России в период Первой мировой войны. Речь идёт о монографии П. Холквиста «Вести войну — ковать революцию. Континуум российского кризиса, 1914—1921»⁷⁷. Как видно из заголовка, события мировой войны составляют лишь часть её содержания, а знакомство с текстом показывает, что они составляют меньшую его часть. Основное внимание автор уделяет событиям Гражданской войны, причём с локализацией на происходивших на Дону и в прилегавших областях. По сути, речь идёт о расширенном издании его докторской диссертации, посвящённой «русской Вандее» (этот образ антиправительственного крестьянского восстания эпохи Французской революции, по его мнению, вполне подходит для описания отношений между основной частью донского казачества и советской властью в описываемые годы). Тем не менее в первых главах своего труда автор выходит далеко за рамки истории казачества, выдвигая весьма своеобразную трактовку причин «русского кризиса» в рамках империи в целом.

В центре трактовки Холквиста — тезис о том, что отрицательное отношение правящих кругов империи к идее и практике свободного рынка, их этатизм, вера в благотворительную роль государства и неверие в инициативу индивида (феномены, характерные и для оппозиционной «общественности») оказали на ситуацию в России роковое влияние. Повышение роли государства в экономической жизни, его вмешательство в сферу производства и распределения, признаёт автор, было неизбежным следствием затянувшейся войны: Германия и Австро-Венгрия использовали в 1917—1918 гг. войска для обысков и насильственных реквизиций продуктов у собственных крестьян, в странах обоих противостоящих блоков создавались специальные государственные структуры для управления экономикой⁷⁸. Однако, утверждает Холквист, «что отличало Россию от прочих держав, так это стремление устранить существующие коммерческие и торговые сети... В отличие от почти всех других воюющих стран российское правительство при деятельной поддержке гражданских активистов пыталось использовать меры военного времени, чтобы заменить существующие рыночные структуры чем-то иным, а не инкорпорировать их. В то время, как в большинстве прочих стран снабжением ведали бизнесмены, в России это было не так»⁷⁹. Нечто похожее, по мнению Холквиста, имело место только

⁷⁶Kramer A. Recent Historiography... № 2. P. 173.

⁷⁷См.: Holquist P. Making War, Forging Revolution. Russia's Continuum of Crisis, 1914—1921. Cambridge (Mass.), 2002.

⁷⁸Ibid. P. 33.

⁷⁹Ibid. P. 34.

в Турции (снова та же аналогия!), где гонения на купцов и предпринимателей имели отчётливо антиармянскую направленность.

В России речь шла не о национализме, а о более глубоком идеологическом феномене. Для российского аппарата продовольственного снабжения был характерен «всеобщий антирыночный, уповающий на план этатистский консенсус, охватывающий весь политический спектр»⁸⁰. По сути, для Холквиста нет особой разницы между политикой царского режима, Временного правительства и советской власти: пресловутый этатизм обусловил-де малую экономическую эффективность и крайне высокий уровень внеэкономического насилия, ставшие специфическими чертами российского пути развития, принципиально отличного от того, что имело место на Западе. Именно эта сторона концепции Холквиста сделала её столь привлекательной для тех, кто сводит проблему «брутализации» как результата Первой мировой войны исключительно к российскому феномену, позволяя таким образом возложить на преемника Российской империи — Советское государство — ответственность и за развязывание Второй мировой войны.

Насколько убедительна аргументация Холквиста? Можно сколько угодно спорить о преимуществах и недостатках «плановой» и «рыночной» экономических моделей (хотя в чистом виде они не существуют), однако об однозначном воздействии той или иной из них на сферу политики говорить не приходится. Представление о том, что «план» — это всегда диктатура, произвол и война, а «рынок» — демократия, законность и мир, явно противоречит реальности. Аналогичная ситуация с представлением о благотельной миссии «бизнесменов», противостоящих якобы бездарным бюрократам и некомпетентным «гражданским активистам». Германской экономикой во время обеих мировых войн управляли «бизнесмены», причём довольно эффективно, что вполне сочеталось с установлением и функционированием диктаторских режимов со свойственными им произволом и жестокостью, которые при Гитлере достигли беспрецедентных и уникальных масштабов. Впрочем, и эффективность управления экономикой со стороны «бизнесменов» — понятие относительное. Здесь показателен опыт современной России. Короткий период, когда роль государства была сведена до минимума («семибанкирщина»), оказался в экономическом плане едва ли не самым катастрофическим в её истории.

Весьма поверхностный характер носят проводимые Холквистом аналогии (упомянутые реквизиционные рейды немецких и австро-венгерских властей и деятельность продотрядов в Советской России, продразвёрстка, объявленная управляющим Министерством земледелия А.А. Риттихом в 1916 г. и В.И. Лениным — в 1919-м). Однако трудно возразить против его тезиса о неудаче системы регулирования военной экономики России, которая в отечественной историографии адекватно, на мой взгляд, характеризуется как «госмонополизм в милитаристских... формах»⁸¹. К сожалению, ответ на вопрос о причинах возникновения этой системы автор вновь сводит к характерным якобы исключительно для России традициям этатизма, подавления «инициативы бизнесменов» и т.д.

Между тем законен был бы вопрос о самом наличии и/или эффективности такой инициативы. В одной из статей сборника ИНИОН РАН приводится основательная подборка мнений по этой проблеме российских исследователей (В.В. Седова, Ю.П. Бокарева, Е.Ю. Галыниной, Т.М. Китаниной, П.А. Кюнга

⁸⁰Ibid. P. 44.

⁸¹Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 19.

и др.), однако в ней, как представляется, ещё многое остаётся неясным⁸². На мой взгляд, первым приближением к истине можно считать точку зрения, согласно которой ответственность за практическую отстранённость отечественного предпринимательского класса от государственных дел переносится на него же: «Трудно говорить о российской буржуазии как телеологически целостном ориентированном слое, способном сцементировать всё общество и “потянуть” его за собой»⁸³.

Остаётся вопрос об альтернативах. К сожалению, его не ставят ни российские историки, ни Холквист. Между тем собранный последним материал даёт на этот счёт определённые основания для плодотворных размышлений. Речь идёт, в частности, о приводимых им данных о росте (скромном, но явном) поставок продовольствия по линии кооперативов. Могло ли кооперативное движение заполнить брешь, возникшую из-за рассогласованности деятельности бюрократии, «общественности» и буржуазных кругов и тем самым стабилизировать обстановку в стране и предупредить революционный кризис? Это лишь один вопрос, который хотелось бы адресовать специалистам.

Есть и иные «белые пятна». Так, крайне мало исследований, посвящённых деятельности в рассматриваемый период отдельных партий, политических и общественных организаций как на национальном, так и на международном уровне, особенно в плане антивоенных инициатив. В Голландии вышел огромный том (свыше 1 тыс. страниц мелкого шрифта!) — «Международное движение за мир во время Первой мировой войны»⁸⁴. Однако название несколько обманчиво: речь идёт о деятельности, в основном организационной, одной из пацифистских организаций, политическое влияние которой осталось весьма ограниченным. Мало что добавляет к известным фактам исследование английского историка М. Малхолланда о причинах перехода социалистических партий на позиции поддержки своих правительств и краха Второго Интернационала⁸⁵.

Нельзя считать закрытой проблему роли финансовых и промышленных магнатов в развязывании войны (вновь упомяну «ревизионистскую» точку зрения Маллигана). Особого внимания заслуживает деятельность дипломатических ведомств и спецслужб: к примеру, давно уже бытует версия, будто поворот рейхсканцлера Германской империи Т. фон Бетман-Гольвега на путь конфронтации был вызван информацией (или дезинформацией?) от агента в российском посольстве в Лондоне. Насколько обоснована такая версия?

Французским и российским архивистам следовало бы возобновить поиски таинственно исчезнувших документов о визите французского президента Р. Пуанкаре в Петербург накануне войны: имевшим тогда место переговорам конспирологи разного рода придают некую зловещую роль в развязывании войны.

Таковы лишь некоторые соображения, возникшие на основании знакомства с зарубежной литературой по истории Первой мировой войны, исследователи же, более глубоко занимающиеся этой тематикой, несомненно, назовут и другие.

⁸²Беспалов С.В. Социально-экономическое развитие имперской России в годы Первой мировой войны (по материалам научных конференций) (Реферативный обзор) // Первая мировая война: современная историография... С. 152—168.

⁸³Булдаков В.П. Указ. соч. С. 15.

⁸⁴The International Peace Movement during the First World War. In and around the Dutch Anti-War Council 1914–1919, its mediatory work for a speedy peace, its Central Organisation for a Durable Peace by W.H. van den Linden. Almera, 2006.

⁸⁵Mullholland M. «Marxists of strict observance»? The Second International, National Defence and the Question of War // Historical Journal. Vol. 58. 2015. June. P. 613—640.